

УДК 323.27

ТЕМА ПСЕВДОРЕВОЛЮЦИИ В РАБОТАХ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Головлев Руслан Владимирович

- e-mail: rgolovlyov@inbox.ru;
аспирант кафедры истории и теории политики факультета
политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Головлев Р. В. Тема псевдореволюции в работах современных исследователей // Российский социально-гуманитарный журнал. 2026. №2.
URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 08.07.2025
- Статья размещена на сайте 22.05.2026

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Причины кризиса классической революционности](#)

[Основные характеристики псевдореволюции](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Анализ взглядов современных исследователей на феномен псевдореволюции.

Процедура и методы. Ключевым исследовательским методом стал анализ текстов. Проведён анализ работ, связанных с описанием революционных процессов и эволюцией; проанализировано содержание исследований в соотнесении с современными процессами имитации общественных изменений в контексте постмодернизма как культурной логики позднего капитализма.

Результаты. В результате проведённого анализа современной литературы выявлено качественное отличие феномена псевдореволюций от классических революций, даны основные характеристики и определены предпосылки появления псевдореволюций, связанные с особенностями социально-экономического устройства общества постмодерна.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в классификации отношения современных исследователей к псевдореволюции, намечены основные возможности для дальнейшей концептуализации данного феномена в рамках социальных наук.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

постмодернизм, посткапитализм, псевдореволюция, революционные имитации, цветные революции

ВВЕДЕНИЕ

В качестве отдельного феномена псевдореволюции не рассматривались в научной литературе. Причиной такого положения дел является то, что не существует общепринятого определения термина «революция». Представители различных научных направлений отождествляют данную категорию с такими явлениями, как восстания, мятежи, государственные перевороты, крестьянские и гражданские войны и т. д. Таким образом, анализ псевдореволюции в работах современных исследователей зависит прежде всего от того содержания, которое вкладывается в термин «революция». С одной стороны, на этом основании исследователи проводят разделительную линию между революциями и феноменами,

их имитирующими. С другой стороны, революция обретает характер историчности, что позволяет идентифицировать подобный процесс в различных временных эпохах. Например, на основе данной классификации события «арабской весны», а также «цветных революций» относятся учёными либо к современным формам революции, либо к социальному бунту [13].

Вследствие этого исследование феномена псевдореволюции сводится к ответу на вопрос о том, возможна ли революция в современном обществе. Исследователи, дающие отрицательный ответ, считают, что данное явление либо остаётся в прошлом из-за изменившейся структуры общества, либо характерно в настоящем только для тех государств, которые на сегодняшний день не произвели перехода к современному обществу. Данные авторы преимущественно являются представителями либеральной, постмодернистской традиции, а также сторонниками теории модернизации [12]. В отдельных случаях революция определяется учёными как инструмент прорыночных сил, позволяющий бороться с разрастающимися полномочиями государства и бюрократии [4].

Вследствие вышеперечисленного псевдореволюционность выступает в качестве результата достижения социумом высокого уровня развития политической и экономической систем. Альтернативная точка зрения состоит в том, что революции характерны для всех этапов общественного развития, поскольку их причиной является общественная структура, не способная удовлетворить интересы различных социальных групп. Последний подход получил своё развитие в марксизме, мир-системной и критической теории.

Целью настоящего исследования является анализ взглядов современных исследователей на феномен псевдореволюции.

Ключевым исследовательским методом стал анализ текстов. В статье осуществлён анализ работ, связанных с описанием революционных процессов и эволюцией; проанализировано содержание исследований в соотнесении с современными процессами имитации общественных изменений в контексте постмодернизма как культурной логики позднего капитализма.

ПРИЧИНЫ КРИЗИСА КЛАССИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОСТИ

Результатом размывания прежней социальной структуры, по мнению французского философа Ж. Бодрийяра, является смерть политического и социального. Трудящиеся теряют классовую идентичность, тем самым превращаясь в массы, и не могут быть репрезентированы, поскольку их взгляды сводятся к радикальной неопределённости. Революция, которая представляется возрождением и развитием политического, не может апеллировать к массам, поскольку они неспособны проявлять интерес к различным социальным проектам, которые не являются зрелищами. На место революционному взрыву приходит имплозия – активность, направленная не на реализацию лучших устремлений человечества, а против реальности как таковой. Такая псевдореволюционность возникает из-за отсутствия инаковости. Потеря субъектности оборачивается превращением большинства населения в «молчаливое большинство».

Подобное положение дел становится проблемой не только для оппозиции, но и для самой власти, которая пытается увеличить активность, вовлечённость и подконтрольность масс. Если ранее системе не хватало смысла при устойчивом спросе на него со стороны населения и его частичном удовлетворении – в том числе и за счёт утопических проектов, – то теперь важнейшим социальным механизмом является производство спроса на смысл, который намного меньше его предложения. Однако и полноценным объектом воздействия массы быть не могут, поскольку являются специально созданной искусственной категорией для получения данных по метрикам, с помощью которых можно обосновывать легитимность власти. В такой ситуации интеллектуалы стремятся «активизировать микрожелания, мелкие различия, слепые практики, анонимную маргинальность». Предпринимается «попытка интеллектуалов усилить незначительное, продвинуть бессмыслие в порядок смысла» [3].

Одним из компонентов подобного мировосприятия является формирование в ряде стран антиреволюционного консенсуса, суть которого заключается в отторжении революции как эффективного инструмента общественных изменений. Р. Инглхард и его последователи связывают данную особенность с

изменением ценностей [7]. По мнению учёных, молодое поколение россиян, выросшее в условиях относительной безопасности и материального изобилия, придерживается постматериалистических ценностей, отторгающих революцию. Старшее поколение, имеющее негативный опыт и в силу этого более приверженное материалистической доминанте, также настроено антиреволюционно. Однако здесь возможен и откат к до-модернистским ценностям. Для большинства людей наиболее ценным является то, чего не хватает в период их активного существования. С течением времени меняется и опыт поколений, в результате чего появляются новые социальные установки.

Огромную роль сыграло и воздействие на общество культуры постмодерна. Деконструкция таких понятий, как «истина», «субъект», «прогресс», привела к глубокому разочарованию и общественному пессимизму. Революция, являясь одним из «больших нарративов», который также должен был стать достоянием прошлого, изменила своё содержание. Вследствие резко возросшего значения культурной сферы концепт революции стал политическим пастишем, отрицающим существование оригинала. Утрата чувства истории, проживание в «вечном настоящем» уничтожает социальное прошлое и будущее. В таком случае революционная позиция становится либо частью личной идентичности (субкультурализация), либо товарным знаком, призванным повысить социальный статус или повысить доход (коммодификация). Субкультурные организации выполняют задачу сохранения протестных традиций, но фактически они не могут развиваться в практические революционные движения. Организации, коммодифицирующие образ революции, способствуют укреплению либеральной демократии и рыночного общества, расширяя их рынки до аудитории, которая на ценностном уровне негативно относится к «обществу потребления» [10].

В такой ситуации становится невозможным коллективное действие, направленное на радикальное переустройство общественной жизни. По этой причине движение, стремящееся к трансформации социума, использует символы и знаки прошлого, но на реальные изменения остаётся неспособным. По этой причине становится популярным тезис о «конце революций», поскольку их осуществлению препятствует ряд факторов – превосходство правительства над оппозицией в потенциальном насильственном противостоянии, демократизация,

глобализация и повышение материального благосостояния большинства общества [8].

Вместе с тем, как отмечал российский исследователь Б. Г. Капустин, негативность, понимаемая как постоянное самоотрицание и стремление к качественному изменению, имманентно присуща современным обществам. Однако правящими классами вырабатывается множество способов для сдерживания утопического потенциала негативности. Наиболее актуальным из них остаётся доминирование либеральной идеологии в публичном поле. Многими именитыми учёными и интеллектуалами разделяется позиция, согласно которой представительная демократия и рыночная экономика рассматриваются как совершенные механизмы управления социумом, а другие, более радикальные, альтернативы считаются опровергнутыми эмпирическим путём. При сохранении импульса негативности в рамках капиталистического общества происходит непрерывная революция, в ходе которой общественный порядок не подвергается структурным изменениям, но постоянно обновляется. Именно в постоянном выхолащивании при одновременной абсорбции радикальной альтернативы состоит стратегия выживания и трансформации капиталистического общества.

Даже при возникновении революционной ситуации радикальные изменения в социуме не происходят автоматически. Для этого необходим политический субъект, появление которого также не является априорным. В результате намерения участников современных бунтов не содержат никакой позитивной программы, а только «абстрактную критику», что констатирует отсутствие в обществе реальной оппозиции неолиберализму [9].

Однако альтернативы, в том числе и революционные, не всегда связаны с реализацией более прогрессивной модели общественных отношений. Ряд исследователей отмечают, что в недрах постиндустриальной экономики формируется новая, посткапиталистическая элита, в качестве ключевого ресурса располагающая вниманием, а линия раскола будет пролегать между персоналиатом и имперсоналиатом [5].

Несмотря на рост роли медиаиндустрии в обществе, деятельность большинства известных личностей не выходит за рамки капитализма и присущих ему отношений собственности. Таким образом, перед нами может развернуться псевдореволюционный процесс, в качестве идеологической базы

использующий квазисоциалистические ценности, в рамках которых предполагается переход большинства людей к творческому труду, где преодолевается противоречие между личным и общественным.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПСЕВДОРЕВОЛЮЦИЙ

По нашему заключению, революционным имитациям присущ ряд характеристик. Как отмечала Т. Скочпол, основными эффектами классических революций в среднесрочной перспективе становятся создание сильного бюрократического аппарата государства и укрепление положения страны на международной арене. Условиями же для этого становятся распад прежней центральной администрации и резкое ухудшение внешнеполитической ситуации, нередко связанное с поражением в войне [11].

Псевдореволюционные процессы имеют схожие предпосылки, но совершенно иные социальные результаты. Причиной для этого является отсутствие такой важной переменной, как низовое движение, имеющее альтернативную программу преобразования общества. В классических революциях промышленные рабочие и крестьяне расширяли рамки возможного, в некоторых случаях не имея прямых связей с революционными организациями. Вместе с тем в псевдореволюционных процессах представителей трудящихся мобилизуют вокруг общих либеральных ценностей, которые не постулируют существенных альтернатив прежнему порядку.

Здесь имеет место именно «западный» тип революции, поскольку протестное движение чаще всего растёт и развивается в рамках столиц и крупных городов, в то время как в менее развитых регионах поддержка протестующих намного меньше. «Восточный» тип революции должен быть связан с непосредственно низовой активностью, что в случае с псевдореволюционными движениями произойти не может из-за отсутствия достаточной радикальной программы преобразования, интересующей «низы» [13]. В соответствии с вышеизложенным элиты продолжают управлять по-старому, используя политические технологии.

Другой характеристикой псевдореволюций выступает устранение дилеммы свободы и необходимости. По мнению Х. Арендт, именно то, что революции прошлого в этой паре от-

давали приоритет последнему, они терпели поражение. Единственной революцией, которая выбивалась из общего правила, была Американская революция, в ходе которой её лидерам удалось нейтрализовать эффект бедности с помощью огромного количества земель, пригодных для ведения сельского хозяйства, а статус свободы гарантировался многими институтами, в том числе системой сдержек и противовесов [1].

Современные псевдореволюционные режимы предпочитают свободу необходимости решать насущные проблемы масс, проводя неолиберальные реформы из-за нарастающего иностранного влияния. Однако фактически и свобода не находит своего воплощения, поскольку по-прежнему в обществе существуют отношения господства и подчинения. Если революционные режимы отказывались от свобод с целью преодоления нищеты большинства трудящихся масс и в конечном счёте в большинстве случаев решали эту проблему, то псевдореволюционные режимы могут реализовать свободу только через развал государства и деградацию общественных институтов. В итоге в обществе уменьшается свобода, а необходимость становится ещё более острой. Лидеры псевдореволюций не способны найти выход из подобной ситуации, поскольку они не имеют собственного оригинального набора идеологических позиций, позволяющих преодолеть данный общественный кризис.

Псевдореволюции характеризуются низким уровнем насилия. Вследствие того, что им не требуется «ритуальное преступление» для того, чтобы решительно отделить свой режим от прошлого, им достаточно только жертв, пострадавших от предыдущего. Несмотря на то, что существует антагонистических дискурс, который подчас не оставляет общего символического пространства для противоборствующих сторон, противоречие не является непреодолимым [2]. Однако в случае, если псевдореволюционный процесс затрагивает интересы нескольких держав, имеющих возможность влиять на внутренние процессы такого государства, может произойти эскалация насилия вплоть до гражданской войны.

Перед псевдореволюциями уязвимы преимущественно так называемые «гибридные режимы», имеющие признаки как авторитаризма, так и демократии. Именно такие режимы чаще всего зависят от международной поддержки, вследствие чего склонны идти на уступки псевдореволюционным движениям.

Уязвимыми перед псевдореволюциями оказываются не только восточные, но и западные страны. Это происходит в результате перехода данных обществ к постматериалистическим ценностям, подробно рассмотренным Р. Инглхартом [7]. Парадоксальность данного феномена заключается в том, что именно те организации, которые декларируют необходимость защищать интересы трудящихся, фактически действуют против них [6]. Радикальные разработчики проектов реализации перехода к «зелёной» энергетике, равенства полов и защиты прав сексуальных и этнических меньшинств, используя давление на государственные институты посредством общественных движений, приводят к снижению уровня материального благосостояния населения и способствуют возвышению новых посткапиталистических элит [5].

Однако в целом для революционных имитаций характерно то, что её активные представители не получают доступа к государственной власти, а имеют маргинальный статус в социуме. Переход в «большую политику» остаётся невозможным, поскольку данные движения не имеют никаких ресурсов для наращивания поддержки в обществе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение псевдореволюций началось фактически с возникновением классических революций. Актуальность данного феномена для современного общества связана с тем, что в связи с социально-экономической трансформацией политический процесс лишился прежних субъектов радикальных перемен, при этом адекватная замена им так и не возникла. Снижение уровня напряжённости в псевдореволюции по сравнению с классическими революциями вызвано тем, что в первом случае фактически отсутствует оппозиция вследствие частичного удовлетворения требований социальных низов. Исчезновение альтернативы современному порядку вызвано не фактом удовлетворения запросов большинства граждан, а тем, что капиталистическое общество постоянно трансформируется, не выходя при этом за собственные рамки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арендт Х. О революции. М.: Европа, 2011. 464 с.
2. Байша О. Дискурсивный разлом социального поля: Уроки Евромайдана. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 184 с.
3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального / пер. с фр. Н. В. Сулова. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. 95 с.
4. Волков В. В. Глубинное государство и революция технооптимистов // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. №4. С. 27–37.
5. Давыдов Д. А. Невозможность социализма. Левые идеи на службе у новых элит. М.: РИПОЛ классик, 2025. 352 с.
6. Давыдов Д. Посткапитализм и рождение персоналиата. М.: РИПОЛ классик, 2021. 336 с.
7. Инглхарт Р, Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
8. Капустин Б. Г. Рассуждения о «конце революции». М.: Издательство Института Гайдара, 2019. 144 с.
9. Капустин Б. Г. Обуздание негативного. Критика современности. Ереван: Fortis Press, 2024. 176 с.
10. Крауч К. Постдемократия / пер. с англ. Н. В. Эдельмана. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2010. 192 с.
11. Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая / пер. с англ. С. Моисеева. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 552 с.
12. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
13. Шульц Э. Э. Теория революции: Революции и современные цивилизации. М.: ЛЕНАНД, 2022. 400 с.

ARTICLE INFORMATION

Author

Ruslan V. Golovlev

- e-mail: rgolovlyov@inbox.ru;
Postgraduate Student, Department of History and Theory of Politics,
Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation,

For citation

Golovlev R. V. (2026). The Theme of Pseudo-Revolution in the Works of Modern Researchers. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To conceptualise the phenomenon of revolutionary imitations (pseudo-revolutions) in the modern world.

Methodology. The key research method was the analysis of texts. The analysis of the authors' works related to the description of revolutionary processes and the evolution of its content in relation to modern processes of imitation of social changes in the context of postmodernism as the cultural logic of late capitalism was carried out.

Results. The qualitative difference between the phenomenon of pseudo-revolutions and classical revolutions, its main characteristics and prerequisites for its emergence, associated with the peculiarities of the socio-economic structure of postmodern society, are revealed.

Research implications consist in classifying the attitude of modern researchers towards pseudo-revolution and outlining the main possibilities for further conceptualisation of this phenomenon within the framework of social sciences.

Keywords

postmodernism, postcapitalism, pseudo-revolutionary ideas, colour revolutions

References

1. Arendt, H. (2011). *On Revolution*. Moscow: Evropa publ. (in Russ.).
2. Baisha, O. (2021). *Discursive Fracture of the Social Field: Lessons of Euromaidan*. Moscow: Higher School of Economics publ. (in Russ.).
3. Baudrillard, J. (2000). *In the Shadow of the Silent Majorities, Or, the End of the Social*. Yekaterinburg: Ural University publ. (in Russ.).
4. Volkov, V. V. (2025). The Deep State and the Revolution of the Techno-Optimists. In: *Russia in Global Affairs*, 23 (4), 27–37 (in Russ.).
5. Davydov, D. A. (2025). *The Impossibility of Socialism. Leftist Ideas in the Service of the New Elites*. Moscow: RIPOL classic publ. (in Russ.).
6. Davydov, D. (2021). *Postcapitalism and the Birth of the Personalist*. Moscow: RIPOL classic publ. (in Russ.).
7. Inglehart, R. & Welzel, K. (2011). *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. Moscow: Novoye izdatelstvo publ. (in Russ.).
8. Kapustin, B. G. (2019). *Reflections on the "End of the Revolution."* Moscow: Gaidar Institute publ. (in Russ.).
9. Kapustin, B. G. (2024). *Taming the Negative. Critique of Modernity*. Yerevan: Fortis Press publ. (in Russ.).
10. Crouch, K. (2010). *Post-Democracy*. Moscow: Higher School of Economics publ. (in Russ.).
11. Skocpol, T. (2017). *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. Moscow: Gaidar Institute publ. (in Russ.).
12. Huntington, S. (2004). *Political Order in Changing Societies*. Moscow: Progress-Tradition publ. (in Russ.).
13. Schultz, E. E. (2022). *Theory of Revolution: Revolutions and Modern Civilizations*. Moscow: LENAND publ. (in Russ.).